

Стоит ли верить врачам на 100%?

Вы свято верите врачам, считая, что они безукоризненны и безупречны? Тогда спешу поделиться своим богатым опытом общения с людьми в белых халатах. Может быть, тогда вы поймете, что они – такие же люди, как и мы с вами.

Свое первое знакомство с официальной советской медициной у меня произошло еще в глубоком детстве. Когда у меня поднялась температура, к нам домой пришёл врач-терапевт (я их называю «ОРЗологами»). И попросил меня показать горлышко. А я умел показывать горлышко без ложечки, вот так (Э-э-э!). Мама утверждала, что при этом у меня видно было все вплоть до желудка. Когда я сообщил о своем умении врачу, а точнее, врачихе (именно так в народе называют женщин-медиков), она сказала, недобро посверкивая очками: «Не учи меня, мальчик!» После чего несколько раз пыталась вызвать у меня рвоту, засовывая столовую ложку мне в рот. Потом она десять минут с глубокомысленным видом строчила что-то в карточке. На робкий вопрос мамы, она решительно бросила «ОРЗ!». И вот тогда я первый раз осознал всю решительность советских врачей.

Второй раз я испытал эту решительность в кабинете забора крови. Кстати, как вам нравится это словосочетание – «забор крови»? Лично у меня перед глазами сразу встает картина из какого-нибудь фильма про вампиров, например из «Блэйда» – по периметру установлены распылители, которые разбрызгивают кровь. Так получается **забор крови**!

Милая женщина средних лет, берущая кровь из пальца в нашей поликлинике, имела странную привычку растягивать рот в резиновой улыбке, натягивая резиновые перчатки. (Вот так!) Лишь много лет спустя я понял, что это была просто произвольная гримаса. Но в детстве мне было страшно – сидит тетка, натягивает перчатки и страшно лыбится. После этого она берет мой маленький пальчик своей холодной рукой, сжимает, другой берет свою острую колючку, и... Больше ни у кого и никогда я не встречал такой манеры колоть. Она делала это не спеша – медленно подносила лезвие к самому пальцу, после чего буквально продавливала его поверхность сильным нажатием. Вместе с резиновой улыбкой это смотрелось сильно. Казалось, ей доставляет наслаждение видеть, как я после этого подпрыгиваю. После этого она с кайфом начинала наблюдать за «паровозиками» – каплями крови, бегущими по стеклянной трубочке (мой палец непрерывно сжимался в её стальных тисках).

Когда капли переставали бежать (это место неплохо было бы озвучить злобным, раскатистым хохотом), она снова брала лезвие, протирала пальчик спиртом и опять с силой его продавливала. Поскольку кровь у меня бежала слабо, эту операцию приходилось повторять до пяти раз. Из кабинета меня почти уносили.

Кстати, результат этих анализов был неизменен – ОРЗ.

Следующая встреча с ненавязчивым медицинским сервисом состоялась уже в школе. Металлический голос врача-стоматолога отчеканил через динамики «Сорокин!», сердце ухнуло куда-то в пятки, и я зашел в кабинет. С замиранием сердца сел в «прокрустово» кресло и приготовился. Оказалось, что недаром. Когда я робко показал врачихе (опять это слово!) два зуба, которые нужно было выдернуть, она сердито оборвала меня: «Не учи меня, мальчик!» И вырвала два совершенно здоровых! К счастью, эти зубы все равно были молочными, поэтому врачиха не села в тюрьму, а я не стал шепелявить.

...Однажды, при медосмотре в школе у меня заподозрили искривление позвоночника. Чтобы подтвердить этот диагноз, меня отправили в поликлинику к соответствующему специалисту. Не знаю почему, но мы с мамой решили, что этот специалист называется орнитолог.

В регистратуре не знали, где принимает орнитолог. В списке врачей он также не значился. Мы стали ходить по поликлинике и задавать вопросы врачам. Но никто не знал, где принимает такой специалист. Но самое интересное, что никто ни на секунду не усомнился, что он вообще здесь может существовать.

Наконец одна женщина отреагировала на наш вопрос весьма живо. «Какой врач?» – переспросила она. «Орнитолог» – дружно сказали мы с мамой. С трудом сдерживая улыбку, она спросила: «А как ваша фамилия?» «Сорокины», – дружно сказали мы, все еще не понимая. Врач едва заметно прыснула сквозь сжатые зубы. «А в чем проблемы-то? Весенняя линька замучила? Или окольцеваться хотите?» В ответ на наши недоуменные и даже обиженные взгляды, врачиха пояснила, что орнитолог – это специалист по птицам. А нам нужно к ортопеду.

Неотвратимый советский медсервис снова настиг меня где-то в седьмом классе. Когда я

пожаловался родителям, а затем и врачам на изжогу, меня отправили сдавать анализы. А потом и вовсе положили в больницу. В ней меня сначала заставили сдавать кровь из вены. Когда я услышал из динамиков «Сорокин!» металлическим голосом, мне поплохело, но я все же зашел в манипуляционный кабинет (тоже неплохое название – здесь мании проведут над вами всяческие злобные манипуляции!). На сам процесс вкалывания я смотреть не стал – боялся увидеть очередную резиновую улыбку.

Когда же все-таки посмотрел, то слегка ужаснулся. Увиденное вызывало целую цепь ассоциаций. Во-первых, почему-то вспоминался старик Хоттабыч. Наверное потому, что игла была позеленевшая от старости, как кувшин, из которого он вылез. Во-вторых, перед глазами почему-то запрыгали красные буквы модной в то время телевизионной речевки: «Огонек. ВИД. АнтиСПИД.» Мне стало интересно, кипятили ли эту реликвию хотя бы раз.

В третьих, я почему-то почувствовал себя березой. Потому что из меня торчала одна игла, а под неё была подставлена какая-то широкогорлая склянка. В то время когда врачи (а куда же без них?) попивали чай из цветастых кружек, моя кровушка с веселым побулькиванием бежала в плошку, как березовый сок. Из разговора женщин стало ясно, что я у них на сегодня двадцать шестой. Я попытался было задуматься, а чай ли у них в кружках, но почему-то отключился. Уже в палате узнал, что за чаем манипуляторши обо всем забывают, поэтому я не первый.

Далее мне предстояло зондирование. Как и полагается, трубку с первого раза проглотить я не смог – организм выталкивал её с реактивной силой. Потом ничего – приспособился. И стал вместе с соседом по кушетке со смехом наблюдать за вновь приходящими и соревноваться в наполнении пробирок желчью. Я уже побеждал, когда пришедшая внезапно медсестра аннулировала все мои результаты. Оказывается, я давал некачественный продукт – обыкновенный желудочный сок. Поэтому мне быстренько впрыснули в трубку что-то горячее – для стимуляции выделения желчи. «Что-то горячее» оказалось магнизией. Неизвестно, знала ли медсестра, что магнизия сильнее стимулирует другие выделения...

Мне пришлось перенести три подобных процедуры. Плюс ФГС – это когда тебя вообще прочищают тросом, как засорившуюся раковину. Потом врачи совсем осатанели – стали брать анализы из таких мест, о которых я даже и не подозревал.

Результат этих научных изысканий был поистине гениален. Приготовьтесь! У меня обнаружили **гастрит**! (Я знаю, вы подумали, что ОРЗ!) Я хлопал стоя – пролежать месяц в больнице, подвергаясь всяческим неприятным экзекуциям, для того, чтобы узнать, что тебе нельзя острого и жареного!

После выписки я десять дней попил свежавыжатый картофельный сок натошак и перестал мучиться изжогой.

В заключение хотелось бы рассказать, как обучаются врачи. Мой друг-медик рассказывал, что когда был студентом, не раз плавал на экзаменах. Однажды он сдавал фармакологию – всю ночь учил, все названия, термины, латынь перемешались в голове и получился страшный винегрет. Когда профессор спросил его, что будет, если ввести определенное лекарство больному-астматику, друг ответил, не задумываясь: «Наступит резкая обстипация!» Вся комиссия легла на пол от смеха, а профессор сказал: «Нет, я, конечно, понимаю – обстипация, но чтобы она была резкой?!» Друг имел в виду асфикцию – удушье, а обстипация – это, простите, запор...

...И если бы сейчас у нас у всех были бы в руках бокалы с вином, я предложил бы выпить за то, чтобы врачи пореже ставили нам свои гениальные диагнозы. Да и негениальные тоже. Желаю всем быть здоровыми!

Автор - **Александр Сорокин**

[Источник](#)